

Зелёный свет для далёких планет

Автор:
Марина ЛаГ

Марина LarF

Зелёный свет для далёких планет

«Автор»

2026

LarF M.

Зелёный свет для далёких планет / М. LarF — «Автор», 2026

Экспедиции дали зеленый свет. Далекая планета в мечтах становится ближе с каждой секундой. И реальнее. В это время только защитившаяся кандидат наук Алена Летаева подает заявку на вхождение в состав экспедиции под кодовым названием «Жизнь на Кей» на столь далекую планету K16. Впереди ее ждет закаляющий нутро и тело путь, ее воплощающаяся мечта и ярко горящее стремление добраться до света столь далеких от человечества планет

© LarF M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава пролога. Зеленый свет.	5
Глава 1. Космические танцы	9
Глава 2. Лагерь РОСКОСМОСА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марина LarF

Зелёный свет для далёких планет

Глава пролога. Зеленый свет.

Лето 2066 года выдалось в Санкт - Петербурге на редкость тёплым и спокойным, и прогноз обещал столь редкую в этом граде стабильность температур. В этот день, воздух над северной столицей был особенно прозрачен и чист, словно кто-то гигантской рукой стёр с небосвода всю городскую пыль. В кабинетах Института Дальних Горизонтов, несмотря на открытые окна, всё равно пахло озоном, кофе и старой бумагой — этот запах был неизменным спутником настоящей науки.

В кабинете профессора Дмитрия Петрова царил рабочий беспорядок, который постороннему глазу показался бы хаосом, но для хозяина сего места, в работу вступала, та самая крылатая фраза, о гении, что как раз таки господствует над хаосом. На огромном экране во всю стену мерцала трёхмерная проекция звёздной карты. Красная пульсирующая точка обозначала планету К16 отдаленной соседки К2-18b в созвездии Льва — цель будущей экспедиции.

Дмитрий Дмитриевич, худощавый мужчина с цепким взглядом и ранней сединой, которую он категорически отказывался закрашивать, нервно постукивал стилусом по столу. Он ждал. Часы на стене показывали 14:03, а в 14:05 должна была прийти она.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стояла Алена Летаева его лучшая ученица. Её золотистые волосы, как всегда, были собраны в небрежный хвост, из которого выбилось несколько прядей. В джинсах и простой белой футболке она совсем не выглядела человеком, защищающим кандидатскую.

— Дмитрий Дмитриевич! Я... я защитилась! — выдохнула она, сияя глазами ярче любой звезды на карте.

Петров поднялся из-за стола. Его лицо, обычно строгое и сосредоточенное, расплылось в широкой, почти мальчишеской улыбке.

— Я знаю, Аленушка! Я всё знаю! Поздравляю! — он шагнул к ней и крепко обнял. От него пахло табаком и дорогим парфюмом.

Алена отстранилась, всё ещё не понимая, почему куратор так взволнован. Обычно после защиты он ограничивался сухим «Молодец» и новой кипой задач.

— Но это ещё не всё, — Петров хитро прищурился и театральным жестом взмахнул рукой в сторону голограммы. Звёздная карта сменилась официальным документом с гербом РОСКОСМОСа.

Алена подошла ближе, вчитываясь в строки. Сердце пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой.

— Не может быть... — прошептала она.

— Может! И не просто может — это уже свершившийся факт! — торжественно объявил профессор. Его голос звенел от гордости.

— Экспедиция «Жизнь на Кей» официально утверждена Советом. Набор экипажа открыт. Требуется двадцать семь человек. Лучших из лучших.

Алена почувствовала, как по спине пробежал холодок восторга. «Жизнь на Кей». Та самая миссия. Полёт к экзопланете К16, потенциально обитаемому миру в ста двадцати четырёх световых годах от Земли. Это экспедиция являлась, рубиконом космических исследований, настоящим прыжком человечества в вечность бесконечного космоса.

— Это значит... — начала она, боясь спугнуть удачу.

Петров не дал ей договорить. Он шагнул вперёд, и его голос, обычно спокойный и размеренный, вдруг зазвенел той особой, убеждённой сталью, которая всегда отличала его лекции и от которой у студентов по спине бежали мурашки восторга.

— Это значит, Алена Сергеевна, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — что вы, как мой ученик, просто обязаны там быть. Это не обсуждается. Это не вопрос желания или удачи. Это вопрос профессиональной чести.

Алена слушала его, приоткрыв рот. Она видела, как горят глаза профессора. Это была та самая вера в человека, в его потенциал, вера в нее. Вера, способная двигать горы и запускать корабли к другим звёздам.

И эта вера вдохновляет. Для всего остального мира он — легенда. Доктор физико-математических наук, он защитился еще в 2047-м, когда Алена и в школу то не ходила, в то время, он стал человеком, который не просто поверил в тахионы, а доказал, что они существуют. В 2050-х он возглавил лабораторию, где из теоретической пыли рождалось будущее, наступив-

шее сейчас. Его команда превратила фотонные двигатели в тахионные. И в 2059-м их работа увенчалась успехом.

Так в 2061-м имя снова Петрова прогремело на всю Солнечную систему. Именно его двигатель позволил русскому кораблю долететь до орбиты Юпитера за 86.44 секунды. Это был рекорд. Настоящая революция космического передвижения, произошедшая на глазах у всего мира.

Но для Алены он — просто Дмитрич. Или «наставник». Человек, который видит в ней не лихую студентку, а продолжение самого себя.

Он спит и видит, чтобы именно она полетела на «Жизнь на Кей». И дело тут не в кумовстве. А дело в том, что Алена Летаева — единственный человек во Вселенной, который знает двигатель Петрова и понимает процессы, происходящие там так же глубоко, как и он сам.

Началось это во время её магистратуры. Когда после долгой и упорной осады Летаевой он таки согласился взять ее первокурсницу на стажировку в свою лабораторию, а потом и стал научным руководителем. Тогда все и случилось. Уже после триумфа у Юпитера. Корабль вернулся героем, но двигатель, после путешествия начал барахлить. Поломка была странной, почти мистической. Инженеры чесали затылки. Петров бился над расчётами сутками. И тогда за дело, тихо взялась Алена. Она буквально испепеляла взглядом чертежи, схемы и уравнения, в конце концов она жила ими. И Летаева нашла проблему там, где никто не догадался искать: в резонансной частоте тахионного потока при обратном переходе. Она предложила решение — элегантное и простое, как всё гениальное.

С тех пор для Дмитрия Петрова она стала любимой ученицей и даже больше Аленка из студенческой гусеницы превратилась в бабочку, став его соавтором, наступающего будущего. Он гордится ею так, как может гордиться отец своим гениальным ребёнком. Когда Дмитрич смотрит на неё. Он видит человека, который способен долететь до звезды и вернуться обратно, рассказав об этом так, чтобы у всех захватило дух и записать при этом необходимые данные для науки.

Внутри неё что-то взорвалось. Холодок восторга сменился жаркой, всепоглощающей волной счастья. Она станет частью чего-то огромного, невероятного и настоящего.

Она выпрямилась, расправила плечи и посмотрела на своего наставника. В её взгляде больше не было робости аспиранта.

— Я согласна, Дмитрий Дмитриевич, — её голос прозвучал твёрдо и звонко.

— Конечно, я согласна.

Зачарованно, Алена вновь посмотрела на голограмму, где маленькая точка «Кей» манила её через бездну космоса. Она видела там, новый дом для человечества, новые горизонты для науки и шанс, шанс доказать всему миру, что невозможное возможно — дело лишь во времени и упорстве.

Это было то самое стремление - секрет, который Алена хранила даже от самой себя, запрятанный в самый дальний уголок души во времена до студенческой юности. Она родилась в семье, где воздух был пропитан запахом старых книг, где за ужином обсуждали не новости спорта, а нюансы перевода Данте, а на полках, от пола до потолка, стояли фолианты по истории искусств и философии. Её вездесущий и вдохновляющий дед был известным литературоведом, степенная бабушка — хранителем музейных архивов, а отец читал лекции по эстетике в университете.

Для них реальный космос был чем-то... Холодным, мертвым, бездушным вакуумом, лишённым той самой «души», которую они так усердно искали в строках поэтов и мазках кисти. Они не понимали, как можно променять шелест страниц на оглушительный рёв ракетных двигателей.

Алена помнила этот разговор. Ей было пятнадцать. Она робко, пряча за спиной какой-то потрёпанный учебник по астрофизике, сказала, что хочет поступать в Институт Дальних Горизонтов и полететь за пределы Солнечной системы.

Отец тогда снял очки и посмотрел на неё с такой грустью, будто она призналась в краже фамильного серебра.

— Лена, милая, — мягко, но непреклонно начал он. — Твоя душа создана для прекрасного. Для гармонии. А Космос — это мертвое безвременье. Это цифры, формулы, бездушный камень. Там нет места для человека с твоим сердцем. Хочешь космической романтики почитай Кира Булычёва, посмотри Тайну третьей планеты...

Дальше она его, уже не слушала.

И в тот самый вечер, Алена приняла решение. Не из упрямства. Не из подросткового бунта против канона родителей. А из любви. Из любви к той самой «душе», о которой они говорили. Только ее «душа» стремилась к звездам.

Она поняла: если великие гуманисты прошлого только мечтали о звёздах, слагая о них стихи и песни, книги, создавая фильмы то её поколение должно до них по-настоящему дотронуться и сделать повседневностью реальной жизни. В конце концов, если искусство воспекает красоту Вселенной, то инженер должен построить мост к этой красоте.

И она пошла на ракетостроение не вопреки своей гуманитарной натуре впитанной с молоком матери, а благодаря ей. Она хотела принести всей душой в этот кажущемся для других холодным, миру математики и сплавов то самое человеческое тепло, и ту самую мечту. Она хотела доказать отцу, что реальный космос — это та самая высшая форма гармонии, вечная красота, гармонии сил, законов и бесконечного, непознанного величия.

И теперь, стоя в кабинете Дмитрия Петрова и слыша его уверенные слова, она чувствовала, как годы упорного труда, насмешек дальних родственников и тихого одиночества на семейных праздниках окупаются сполна.

Это было её личное восстание. Восстание к звездам.

И сегодня её мечта получила официальное одобрение. «Жизнь на Кей» — это ее то самое, по-настоящему живое воплощение мечты. В кабинете повисла тишина, буквально наполненная гулом грядущего будущего.

— Когда начинаем отбор? — твёрдо спросила Алена Летаева.

Глава 1. Космические танцы

Выбор Института Дальних Перелётов в Санкт-Петербурге в свое время для Алены был не прагматичным решением, продиктованным рейтингами и научными школами. Это был выбор сердца, почти мистический зов души, который оказался сильнее любых логических доводов.

Когда перед ней, выпускницей лучшей Уральской школы, встал вопрос, куда подавать документы, вариантов было множество. Москва манила масштабом, Новосибирск — мощной академической базой. Челябинск понятной системой, домашним очагом и крепким фундаментом расположенных рядом заводов, отвечающих за ракетостроительную отрасль. Но Алена выбрала Петербург.

Это была любовь с первого взгляда, зародившаяся ещё в детстве, когда она, затаив дыхание, листала альбомы с фотографиями белых ночей и разводных мостов. Это была любовь, восплававшая еще сильнее, когда их Уральский класс повезли на экскурсию в Петербург. Где она впитывала атмосферу имперского размаха и тайного теплого уголка для своих. Это была живая декорация к её мечтам. Она видела себя не в шумной столице, не в милом и родном доме, а здесь — гуляющей по гранитным набережным Невы, где каждый дом хранит историю, а туман над каналами иногда кажется плотнее самой космической пыли.

Здесь суровая северная природа сплеталась с невероятной, почти иррациональной правильной красотой архитектуры. Здесь инженерная мысль Петра Великого создала город вопреки всему по строгому плану, на болотах, так же как она сама решила идти в ракетостроение вопреки семейной традиции.

Институт Дальних Перелётов стал для неё идеальным компромиссом. Это было место, где поэзия, дух города и математика сливались воедино. Где строгие формулы расчёта траекторий выводились в аудиториях с видом на Исаакиевский собор. Где будущее рождалось в городе, который сам по себе был памятником человеческому гению и упорству. Переехав в Санкт-Петербург, она наконец-то почувствовала себя дома. Это было её личное маленькое чудо: соединить несоединимое — строгую физику тахионов и романтику петербургских пейзажей. И в этом слиянии она находила своё собственное, сокровенное счастье.

Сейчас же находясь в тиши дома. Она ждала результатов анкетного отбора. И как ни готовилась, сколько не бродила она, пытаясь успокоиться по тихим дворикам Петербурга, подкармливая птиц. Новость о прохождении начального этапа все равно буквально обрушилась на Алену, словно лавина. Появилось ощущение, что именно сейчас. Начиналась работа.

Впереди — удалённые экзамены, и конкуренция будет такой, что любая ошибка станет фатальной. Поэтому она превратила свою комнату в штаб межзвёздной миссии, во всяком случае любой, кто зашел бы в комнату посмотрев на арт декор из схем, карт, чертежей и неких конструкций с голоэкранами, поймал бы себя именно на такой мысли. Эти схемы, буквально изображали взаимосвязи между квантовыми состояниями тахионов и гравитационными полями.

Глядя на эту паутину уравнений перед сном, она тренировала мозг видеть решение мгновенно. Алена штудировала учебники по адаптации. Как меняется состав крови? Как бороться с атрофией мышц? Как сохранить ясность ума при перегрузках? Она знала: на этом этапе отсеивается большинство гуманитариев и мечтателей. Используя очки дополненной реальности, она часами «бродила» по отсекам корабля. Разрешенного для просмотра гражданскими лицами. Алена знала, где находится каждый клапан, как проложены кабели энергосистемы, где лежит аптечка и как активировать систему пожаротушения с закрытыми глазами.

Она перечитывала работы Владимира Давыдова официального руководителя экспедиции «Жизнь на Кей» от Космического Флота РФ «Космос как идея и деяние в русской культуре», впитывая мысль о том, что освоение звёзд — это не гонка за ресурсами, а духовный подвиг.

Дни слились в один бесконечный марафон. Сон сократился до шести часов. Питание стало функциональным. Но Алена чувствовала невероятный подъём и чувствовала, что готова стать частью экипажа «Жизнь на Кей».

И вот настал этот день. День, когда тишина в комнате Алены стала почти осязаемой, густой, словно кисель. Экзамены начались.

Это не было похоже на университетскую сессию. Никаких живых преподавателей, строгих взглядов или шуршания бумаг. Только экран монитора, три веб-камеры, следящие за каждым движением, и таймер в углу экрана, отсчитывающий секунды до конца испытания. Атмосфера была наэлектризована до предела.

Первым барьером стала математика и физика. Экзаменатор — а точнее будет сказать, безэмоциональный искусственный интеллект — выдал задачу. Нужно было рассчитать траекторию сближения с орбитальной станцией при выходе из фотонного прыжка, учитывая гравитационные аномалии точки Лагранжа. Алена танцевала с цифрами. Она чувствовала их. Решение легло на экран идеально выверенными формулами, словно ноты в партитуре сложнейшего концерта. Таймер мигнул зелёным: «ПРИНЯТО». Первый шаг сделан.

Затем была медицина и психология. Здесь не было правильных или неправильных ответов. Был только ты и бесконечная череда вопросов.

«Вы слышите голоса?»

— Нет.

«Вам снятся кошмары о падении в бездну?»

— Иногда, но я умею с этим работать.

«Готовы ли вы пожертвовать личной жизнью ради миссии?» Алена на секунду замерла, вспоминая взгляд Дмитрича и его уверенность в ней. Она уверенно поставила галочку: «Да». Экран снова мигнул одобрением.

И наконец выход в город. Последний рывок на экзамене по физической подготовке. Испытание проходило не в душном зале, а на свежем воздухе, на территории тренировочного комплекса, где пахло озоном после недавней грозы, навевающей определенную атмосферу и мокрым бетоном.

Алена стояла в шеренге с другими кандидатами. Все они были разными: высокие и коренастые, жилистые и мощные. Сейчас, все были в одинаковых спортивных костюмах и с решительными лицами. Инструктор, женщина с каменным строгим лицом и звучным голосом, не терпящим возражений, окинула строй ледяным взглядом. И сказала:

— Бег. 1 километр. Одновременно бегут трое. Построитесь и готовьтесь.

Она побежала легко, словно паря над дорожкой. Годы игры за сборную университета по баскетболу не прошли даром. Длинные ноги работали как поршни, дыхание было глубоким и ритмичным. Она не смотрела на соперников. Она смотрела внутрь себя, отсчитывая шаги и вдохи. Мир сузился до серой ленты асфальта впереди. Она пересекла финишную черту уложившись в нужное время.

Дальше их ждал турник и брусья. Подтягивания необходимо набрать минимум двенадцать раз. Здесь Алена чувствовала себя как рыба в воде. Её руки, привыкшие к нагрузкам, легко поднимали тело вверх, подбородок чётко уходил выше перекладины. Раз, два, три... На десятом она почувствовала приятное жжение в мышцах. Двенадцать. Есть. Угол в упоре на Брусьях. 20 секунд. Глубокий вдох, выдох. Держим позицию. Легко. Плавание, челночный бег, всевозможные прыжки, проба Ромберга, снова бег + ходьба... Все слилось в один калейдоскоп, но Алена проходила все уверенно. Она к этому шла целых 10 лет. Наконец испытания закончились, и она отправилась домой. Чтобы через неделю оказаться в фиолетовом метро спеша на встречу с подругой.

Алена шагнула на ленту эскалатора, и слушая как привычный гул подземки постепенно затихает. Она любила эти минуты вынужденного одиночества. Это было время, когда можно было не думать о сроках. Это было время для стихов.

Её взгляд, скользнув по кремово-золотистым стенам, скользнул дальше и тут же зацепился за яркий прямоугольник. На плакате были выведены строки, знакомые, наверное, каждому петербуржцу. Она машинально начала читать, беззвучно шевеля губами, и эскалатор медленно потащил её вверх. Взгляд скользил по строчкам, а мысли уносились куда-то ввысь, к куполам и шпилям, которые ждали её на поверхности.

Лампы эскалатора мерно вспыхивали одна за другой, освещая лица людей — усталые, задумчивые, улыбающиеся. Алена перевела взгляд с плаката на поток людей, а затем снова на стихи, которые уже выплывали издали, новые, ещё сегодня не прочитанные.

Внезапно, настолько, что Алена аж вздрогнула, сбрасывая мерный ритм подъема. Что это было? Она огляделась, сняв наушники и чуть округлила глаза поняв, что это смех. Громкий, раскатистый смех, полный жизни и какой-то дерзкой энергии, прорезал монотонный шум станции. Он был настолько заразительным, что привлекал много внимания.

Внизу, на несколько ступеней позади неё, стоял мужчина. Он был одет как ей казалось не по-питерски броско — в ослепительно белый плащ. Но не это привлекло её внимание в первую очередь. Его голос... В нём была та самая мужская сила, о которой пишут в книгах, но которую так редко встречаешь в реальной жизни. Он был наполнен уверенностью и теплом.

Алена поймала себя на мысли, что беззастенчиво разглядывает его. Он был хорош собой: правильные черты лица, внимательные карие глаза и шапка тёмных кудрявых волос. Он что-то увлечённо рассказывал спутнице, и Алена на секунду позавидовала этой неизвестной девушке.

Она так засмотрелась, что пропустила последние строки стихотворения. Эскалатор вынес её в просторный вестибюль станции «Адмиралтейская». Алена бросила последний взгляд назад, пытаясь найти в толпе белое пятно плаща, но поток людей уже унёс его. «Странно», — подумала она, — «как можно потерять из виду белый плащ?»

Впрочем, эта мысль тут же улетучилась, словно её сдуло свежим ветром с Невы. Потому что там, у массивных колонн выхода, она уже увидела свою подругу. Та стояла, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и высматривала её в толпе. Все посторонние мысли — о стихах, о незнакомцах и о белом плаще — отошли на мысленный задний план. Впереди был вечер, Нева и долгий разговор, который они обе так ждали. Ее подруга Алиса Чудесникова была из тех людей, кого замечаешь сразу, даже если вокруг толпа. Она не обладала классической, выверенной красотой, но в ней жила какая-то внутренняя искра, тихое, но яркое сияние.

Роста она была среднего, но всегда держалась так прямо, что казалась выше. Её тёмное, почти чёрное каре было подстрижено идеально ровно, словно по линейке, и обрамляло лицо с удивительно светлой кожей. Но главное — это были её глаза. Огромные, чистого голубого цвета, они казались бы просто красивыми, если бы не одна деталь. Стоило присмотреться внимательнее, как в голубой радужке вспыхивали и переливались крошечные, словно пойманные солнечные лучи, золотые вкрапления. Это было похоже на звёздное небо, заключённое в два живых окна.

Сегодня Алиса выглядела особенно солнечной. На ней было платье фасона «солнце» — нежно-жёлтого, почти лимонного цвета. Лёгкая ткань мягкими волнами ниспадала от тонкой талии, а юбка, широкая и летящая, колыхалась при каждом шаге, словно подсолнух, поворачивающийся к свету. Этот наряд удивительно гармонировал с её глазами, делая золотые искорки в них ещё более заметными.

Она стояла у колонны и, увидев Алену, просияла такой радостной улыбкой, что на неё невольно начали оборачиваться другие прохожие. В этот момент Алиса была похожа на маленькое солнце, спустившееся в прохладный вечер Северной столицы. Они обнялись

крепко, по-настоящему, так, что у Алены на секунду перехватило дыхание от нахлынувшего чувства уюта и безопасности.

— Ну, наконец-то! — выдохнула Алиса, отстраняясь и заглядывая подруге в глаза.

— Я уже думала, ты там в своих формулах застряла навечно.

Алена только улыбнулась в ответ, чувствуя, как напряжение последних дней медленно отпускает её плечи.

— Пойдём, — сказала Алиса, беря её под руку. — У меня для тебя есть новости. И не все из них про твои железки.

Они вышли на Невский. Воздух здесь был другим — гуще, насыщеннее. Он пах мокрым асфальтом, выпечкой из ближайшей пекарни и едва уловимым ароматом цветущей липы. Город жил своей жизнью: мимо проносились бесшумные капсулы общественного транспорта, по тротуарам текла пёстрая река людей, а над всем этим величественно возвышались фасады домов, помнящие ещё времена первых космических мечтателей.

Алиса уверенно повела подругу в сторону Дворцовой площади. Они шли не спеша, позволяя городу и беседе обнять их. Мимо проплыл Зимний дворец, его нежно зелёные стены казались особенно яркими в лучах низкого вечернего солнца. Они пересекли площадь, где туристы уже начинали собираться на развод мостов, и вышли к Адмиралтейству.

Здесь Невский распаивался во всю свою мощь, открывая вид на величественную гладь Невы. Река сегодня была спокойной, похожей на огромное зеркало из тёмного стекла, в котором отражались облака и золотой шпиль Петропавловской крепости.

Дальше их путь лежал по Дворцовому мосту. Под ногами гудел металл настила, а вокруг разверзлась бездна пространства. Слева уходила вдаль строгая линия Университетской набережной, справа — парадный фасад Эрмитажа. А впереди, там, где Нева разделялась на Большую и Малую, их ждала цель путешествия.

Они перешли мост и оказались на Стрелке Васильевского острова. Это было сердце города, его пульс. Перед ними раскинулась Биржевая площадь с её ростральными колоннами. Два каменных исполина вздымали свои факелы к небу. Когда-то давно эти факелы действительно горели, освещая путь кораблям, теперь же они были символом вечного огня города.

Алиса потянула Алену к спуску к воде. Они сели прямо на широкие гранитные ступени, свесив ноги над самой водой. Отсюда открывался лучший вид: слева — Зимний дворец и Дворцовый мост, прямо — шпиль Петропавловки, а справа — синеватые купола Исаакиевского собора.

Солнце уже почти коснулось горизонта, окрашивая воду в медовые и розовые тона.

— Ну вот, — удовлетворённо сказала Алиса, устраиваясь поудобнее и доставая из маленькой сумочки термос. — Здесь нас никто не найдёт.

Алена глубоко вдохнула сырой речной воздух.

Для них это место было не обыкновенной красивой смотровой площадкой. Ведь именно здесь, на этих самых гранитных ступенях, где они сейчас сидели, и началась их история.

Это было несколько лет назад, в один из тех тёплых летних вечеров, когда кажется, что ночь никогда не наступит. Тогда здесь, на специально оборудованной площадке с гладким, отполированным до блеска покрытием, проходил мастер-класс по космическому стилю.

Этот танец появился ещё в 40-х годах XXI века как ответ на эпоху великих открытий. Это была философия движения, новый голос хореографии. Танцоры становились своеобразными небесными телами. Плавные, тягучие движения рук имитировали гравитационные поля, резкие, точные повороты — вспышки сверхновых, а сложные поддержки — орбиты планет. Это был танец о вечном и бесконечном, выраженный языком человеческого тела.

Алиса, коренная петербурженка, поступающая на искусствоведение в СПбГУ, пришла сюда из чистого любопытства. Она видела в этом живое искусство, новую форму пластики и свободу самовыражения.

А Алена... Алена прилетела с Урала. Для неё этот танец стал физическим воплощением формул и траекторий, о которых она мечтала. Она пыталась понять физику полёта не через учебники, а через движение собственного тела.

Они оказались в одной паре на разминке. И случилось то самое чудо, о котором пишут в книгах: с первой же секунды стало понятно, что человек — твой. Их движения совпали идеально, словно их тела были настроены на одну и ту же частоту. Алене не нужно было говорить «поддержи здесь» или «окажись там» — Алиса просто знала. Она чувствовала её инерцию, её вектор, её вес.

Они проговорили тогда до самого утра, сидя на этих же ступенях. Они говорили обо всём: о туманности Андромеды, о мазках Ван Гога, о теории струн и о том, как пахнет мокрый асфальт после дождя в Петербурге.

Уже через пару недель они, не сговариваясь, начали искать квартиру. Так и зажили вместе: комната Алисы была похожа на филиал музея современного искусства, а у Алены на столе всегда царил творческий беспорядок из чертежей и моделей двигателей. Они были как инь и ян: искусство и наука, интуиция и математический расчёт.

А потом Алиса уехала. Москва, МГУ, аспирантура. И все же. Расстояние не смогло разорвать ту нить, что связала их в тот вечер на танцах.

И вот сегодня они снова здесь. Не студентки, а уже кандидаты наук. Алиса — искусствоведения, Алена — физико-математических.

Алиса разлила по пластиковым стаканчикам горячий чай из термоса.

— Ну что, кандидат Летаева? — с улыбкой спросила она, протягивая стаканчик подруге.

— Поздравляю. Теперь ты официально умная.

Алена приняла стаканчик, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. В этом жесте было всё: и память о том первом танце, и годы жизни под одной крышей, и радость сегодняшнего дня.

— А ты теперь официально умная в квадрате, кандидат Чудесникова, — ответила Алена. Вспоминая шутку про хитрый ум гуманитариев.

Они чокнулись стаканчиками. Звук получился глухим, но в наступающей тишине летнего вечера он прозвучал как победный салют.

Ночь для девушек растянулась в бесконечность, сотканную из смеха, музыки и ощущения абсолютной, пьянящей свободы. Они гуляли до тех пор, пока город не вымер, оставив им в полное владение свои гранитные набережные и величественные дворцы.

Сначала это были танцы. Настоящие, космические. На пустой Дворцовой площади, где их шаги гулко отдавались от колонны, они двигались в полной тишине, ведомые лишь ритмом, звучащим у них в головах. Плавные, тягучие движения рук рисовали в воздухе невидимые орбиты, резкие повороты имитировали гравитационные манёвры. Они были двумя звёздами в спящем космосе Петербурга.

Потом был бег. Наперегонки по гулким мостовым, через арки и подворотни, ныряя в тёмные дворы-колодцы, где эхо превращало их смех в хор. Они стартовали от сфинксов на Университетской набережной и неслись к заветной цели — старым, скрипучим качелям, спрятым в одном из дворов на Васильевском.

Качели были возможностью, буквально почувствовать свои крылья. Раскачиваясь всё выше и выше, они кричали от восторга, и в эти моменты действительно казалось, что ещё чуть-чуть — и они оттолкнутся ногами не от земли, а от самого воздуха, и полетят. Вверх. К звёздам. Ветер бил в лицо, сердце колотилось где-то в горле, и это было самое близкое к невесомости чувство, которое можно было испытать на Земле, не используя специальные помещения.

Домой они ввалились уже в четвёртом часу утра. Квартира встретила их тишиной и запахом пыли. Алиса, едва переступив порог комнаты Алены, замерла в изумлении.

— Слушай, а тут почти ничего не изменилось за три года! — воскликнула она, оглядывая знакомую обстановку. — Только моих вещей не хватает.

Алена, падая на кровать прямо в одежде, только хихикнула в ответ:

— А ты как думала? Матроскин был категорически против перестановок.

Матроскин, словно услышав своё имя, величественно выплыл из темноты коридора. Это был огромный, полосатый котяра с наглой мордой и повадками потомственного аристократа. Он получил своё имя не просто так. Будучи крошечным пищащим комком, найденным Аленой в коробке в самых дебрях кустарника на окраине города, он с первых же минут начал вести себя так, будто это его тут все должны кормить и гладить. Имя «Матроскин» просто напрашивалось.

Он запрыгнул на кровать, потоптался по ногам хозяек и улёгся между ними тяжёлым, тёплым мурчащим грузом. Вскоре девушки легли спать.

Утро наступило нежно. Не с громких звуков будильника, а с тихого шёпота рассветного солнца, которое робко заглядывало в аккуратную лоджию. Воздух из приоткрытого окна был свежим и прохладным.

Девочки проснулись почти одновременно. Сил на душ уже не было, поэтому они просто перебрались на лоджию с кружками в руках.

Алена пила свой любимый кофе с молоком. Горячий, крепкий, он возвращал её из мира снов обратно к реальности. Алиса, закутавшись в плед, медленно потягивала чай с шафраном — терпкий, ароматный напиток цвета расплавленного золота.

Рядом с ними сидел Матроскин. Он уже закончил свою утреннюю инспекцию квартиры и теперь занял пост у ног хозяек. величественно и неторопливо поедая из положенной ему банки из-под сметаны на стенках которой оставалась столь вкусное лакомство для кота. Он делал это с таким царственным достоинством, словно дегустировал редкий деликатес в лучшем ресторане галактики. Его усы смешно топорщились, а хвост мерно покачивался в такт движениям языка.

В этой утренней тишине, нарушаемой лишь мурчанием кота и шелестом листвы за окном, беседа лилась неторопливо, как тот самый кофе в кружке Алены. Они перебирали новости: кто-то из общих знакомых защитил докторскую, кто-то уехал в экспедицию на Лунную базу «Северный полюс», обсуждали странную, затяжную жару, которая никак не хотела отпускать город, и делились впечатлениями о новых фильмах.

Именно на теме кино, профильной для нее, в силу ее диссертации Алиса оживилась. Она села ровнее, глаза её заблестели, а в голосе появились лекторские нотки, которые Алена так хорошо знала по их совместному проживанию.

— Ты не представляешь, — начала она, отставив кружку с шафрановым чаем, — как я рада, что мы отошли от этого слепого копирования. В начале века наш кинематограф просто... просел. Снимали то же самое, что и на Западе, но с меньшим бюджетом. Это было как... ну, не знаю... пытаться надеть чужой костюм, который тебе на три размера мал. Всё трещало по швам.

Алена слушала, подперев щеку рукой. Она знала эту лекцию, ведь она повторялась в разных вариациях и на разные тематики кино весьма часто. Поэтому считала себя вполне развитым кухонным экспертом в мире искусства кино. Удивительно при этом, что, зная все почти наизусть, она каждый раз находила в ней что-то новое.

— А самое неприятное, — Алиса, продолжая речь, сделала драматическую паузу и поёжилась, — это когда в голливудских блокбастерах разрушают Нью-Йорк или Лос-Анджелес. Ну ладно, это их города. Но когда в попытках быть «глобальными» наши режиссёры начинали крушить Москву или Питер... Это же неприятно! Смотришь на экран, а там твой родной город в руинах. Брр! Как будто в душу плюнули.

Она перевела дух и продолжила с ещё большим воодушевлением:

— Но в тридцатые всё изменилось. Произошёл настоящий ренессанс! Мы вспомнили, о чём хотим говорить сами. О чём говорит душа у русского человека. О связи с землёй, о памяти предков, о том самом «своём языке ценностей». И тут же — бум! — пощёло.

Алиса начала загибать пальцы:

— Во-первых, фантастика и фэнтези! Столько книг было написано в нулевые и десятки! Целые миры! И что? Их никто не замечал! А в тридцатых как прорвало! Стали экранизировать всё подряд: вот космос взять, начали снимать оригинальные проекты и то, что Николай Носов с Булычёвым напроорочили, и то, что современные авторы написали. Оказалось, что своего материала — завались!

— А во-вторых? — улыбнулась Алена, подливая ей ещё чаю.

— А во-вторых... — Алиса хитро прищурилась. — Китайцы! Как только мы нащупали это общее поле тем — про гармонию человека и природы, — туда сразу полились деньги, как же фильмы один за другим взрывают прокат. И понеслось... Совместные проекты! Огромные бюджеты! Это уже не просто кино, это уже геополитика и культурный мост между народами.

Тут она поправила воображаемые очки и чуть позже откинулась на спинку плетёного кресла на лоджии и с чувством выполненного долга посмотрела на подругу.

— Вот так и возродились. Сами. На своих дрожжах.

Матроскин, доевший сметану, согласно муркнул и потёрся пушистым боком о ногу Алисы, словно подтверждая её слова.

В этот момент, когда Алиса с видом триумфатора заканчивала свою лекцию о величии русского кино, в блаженной утренней тишине раздался резкий, требовательный перезвон уведомления. Звук был таким чужеродным и громким, что даже Матроскин наострил уши и на секунду перестал вылизывать лапу.

Алена вздрогнула и потянулась к планшету, лежавшему на подоконнике. Её сонливость как рукой сняло. Она разблокировала экран, и её глаза, ещё секунду назад подёрнутые утренней дымкой, мгновенно расширились. Она замерла, вчитываясь в строчки.

— Что там? — Алиса тут же забыла про кино и наклонилась к подруге, пытаясь заглянуть в экран.

Алена не ответила. Она просто молча развернула планшет к ней. На белом фоне официального бланка РОСКОСМОСа чернели буквы:

«Уважаемая Алена Сергеевна Летаева! Поздравляем! Вы успешно прошли начальные этапы конкурсного отбора в экспедицию «Жизнь на Кей». Ваша кандидатура одобрена для участия в тренировочном лагере. Прибытие...»

Дальше Алиса читать не стала. Она завизжала так, что с соседней крыши сорвалась стая голубей. Это был не просто ликующий крик радости, а настоящий победный клич индейцев, выходящих на тропу войны.

— Да! Да! Да! — она вскочила, едва не опрокинув кружку с чаем, и принялась кружить по тесной лоджии.

— Я же говорила! Я же знала! Ты гений! Ты это сделала!

Она схватила ничего не понимающую, но абсолютно счастливую Алену в охапку и начала её тискать.

— Ты едешь! Ты реально едешь! К своей Кей! Со своим любимым двигателем!

Алена смеялась, пытаясь вырваться из крепких объятий подруги. Слёзы радости сами собой брызнули из глаз. Матроскин отреагировал на этот всплеск эмоций по-своему, согласно кошачьей философии. Он внимательно посмотрел на скачущих и визжащих хозяек, медленно поднялся, потянулся, выгнув спину дугой, и с видом короля, которому надоели шумные придворные, величественно прошествовал обратно в комнату. Но его хвост, гордо поднятый трубой, выдавал крайнюю степень удовлетворения происходящим.

И тут к их веселью присоединился кто-то ещё. С соседней лоджии, разделённой лишь тонкой перегородкой из декоративного плюща, донёсся скрипучий, но очень бодрый голос:

— Эй, молодёжь! Вы там что, невесомость словили с утра пораньше?

Это была Аглая Степановна, их соседка снизу, бывший балерина и вечный борец за тишину. Но сегодня её голос не звучал сварливо.

— Поздравляю! — крикнула она. — Я слышала! Аленка-то наша — космонавт! Так держать! А то ишь, распрыгались тут!

Алиса высунулась через перила лоджии и замахала рукой невидимой соседке.

— Спасибо, Аглая Степановна! Это мы от счастья!

Снизу донеслось довольное кряхтение:

— Ну-ну... Только чайник мой не разбудите своим грохотом, звёзды вы наши!

Лоджия снова наполнилась смехом двух подруг.

Глава 2. Лагерь РОСКОСМОСА

Автобус, мягко покачиваясь на идеальной асфальтовой ленте, свернул с главной дороги, и Алена прильнула к окну. Лесной массив расступился, открывая вид, от которого захватывало дух. Это был новый Звёздный городок — сердце российской космонавтики, место с уже долгой и славной историей.

Перед ней раскинулся целый город в миниатюре, где футуризм переплетался с традицией. В центре возвышалось монументальное здание Центра подготовки космонавтов Звездочкин уют — строгий, величественный корпус, несмотря на уютное название, из стекла и бетона, похожий на гигантский кристалл, выросший посреди соснового бора. Его зеркальные стены отражали небо и деревья, словно пытаясь слиться с природой, но при этом всем своим видом заявляя о мощи человеческой мысли.

Вокруг главного корпуса, словно спутники вокруг планеты, располагались другие постройки: современные тренажёрные комплексы с куполообразными крышами, гидролаборатории, где под слоем воды прятались макеты орбитальных станций, и длинные, приземистые корпуса для теоретических занятий. Воздух здесь был пропитан особой смесью запахов: хвои, озона от работающей техники и едва уловимого аромата свежей краски и новизны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.